

дым знаком. Особенно часты опечатки в немногочисленных греческих словах (стр. 15, 88 и др.).

В заключение необходимо обратить внимание на одно обстоятельство, касающееся всей серии «Римские классики» в целом. Серия предназначена для учащихся примерно одинакового уровня. Это предъявляет к редакции серии определенные требования единообразия. Прежде всего речь идет об орфографии. Учащимся, например, совершенно неясно почему *eius* пишется в тексте Цезаря через «j», а у Вергилия и Овидия через «i». Это же касается и всех прочих случаев спорной орфографии. Здесь все-таки следовало бы придерживаться общепринятой в учебниках орфографии и уж во всяком случае надлежало объяснить в введении причины отклонений от нее.

Второе требование, также касающееся единообразия, относится к научному аппарату, в частности к указанию источников, из которых взят латинский текст. Это сделано в «Энеиде», но обойдено молчанием в двух других книгах.

Пожелаем, чтобы отмеченные недочеты были устранены в дальнейших публикациях «Римских классиков», предназначенных в качестве учебных пособий для вузов.

Я. Ленцман

А. Н. БЕРНШТАМ. *Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала*, Фрунзе, 1943, 67 стр., цена 6 р.

Великие народные ирригационные стройки, развернувшиеся в республиках Средней Азии перед Великой Отечественной войной, проходили под наблюдением археологов местных и центральных научно-исследовательских учреждений. Они позволили обследовать обширные неизученные еще пространства, на которых в древности развивалась интенсивная человеческая деятельность, дали большое количество находок предметов материальной культуры и пролили новый свет на многие до того совершенно еще не освещенные страницы далекого прошлого. Так, большой вклад в науку дали наблюдения при строительстве каналов в Фергане, в Ташкентской области и на строительстве Катта-Курганского водохранилища в Самаркандской области.

Особенно большими успехами увенчались археологические наблюдения на строительстве Большого Чуйского канала весной 1941 г., проведенные под руководством автора рецензируемой работы. На трассе в 150 км длины при земляных работах объемом 6 миллионов кубометров грунта было искусно расставлено 25 человек научного состава экспедиции, которым удалось собрать свыше 3000 древних предметов (не считая монет и массового материала), послуживших основным фондом для историко-археологического отдела Киргизского государственного музея (стр. 27—28). Сколь значительным вкладом в историю и археологию края явилось добытое на канале, особенно ясно видно, если мы сравним новые данные с тем, что имелось для Северной Киргизии по итоговому обзору предшествующих плодотворных исследований А. Н. Бернштама на 1940 г.¹

В рецензируемой работе дан предварительный очерк новых археологических материалов со II тысячелетия до н. э. до XV в. н. э. включительно.

Если в 1940 г. можно было лишь в общем ставить вопрос о связях культуры бронзового века Северной Киргизии с андроновской культурой (II тысячелетие до н. э.) Казахстана, то ныне автор ввел в археологию ясное понятие о сущности этой культуры и дал объективную характеристику двух ее основных этапов, из которых первый восходит к андроновской, а второй к карасукской стадии (стр. 9). В целом, по определению А. Н. Бернштама, севернокиргизская бронза «выступает со своими локальными чертами, характеризующимися архаическими чертами керамики, сосуществованием поли-

рованных каменных орудий с бронзовыми орудиями, своеобразным типом кельтов, пожей и особенностями комплексного хозяйства (интенсивное скотоводство, охота и рыболовство)» (стр. 9). В приведенной характеристике мы не можем согласиться лишь с заключением автора о занятии населения. Если для карасукского этапа, по аналогии с карасуком в Минусинском крае, оно близко к истине, то для более древнего, андроновского, этапа оно находится в противоречии с накопившимися уже фактически данными по археологии Северной Киргизии. Андроновская культура бронзового века в Казахстане и в Минусинском крае рассматривается, как и родственная ей срубная культура на юге европейской части СССР, в качестве типичной пастушеско-земледельческой культуры. Состав бронзовых орудий, находимых в Семиречье, которые могут быть отнесены к андроновскому этапу, известен. В качестве руководящей формы среди них выступают тяжелые топоры с гребнем¹. Показателен состав предметов Сукулукского клада, который А. Н. Бернштам справедливо относит ко времени андроновской культуры². В него входят три вислообушных топора, три клиновидных тесла, три долота, два ножа листовидной формы, две проколки, одна коническая втулка, наконечник и три зеркала. Состав этих бронз явно рисует перед нами производственные процессы, связанные не с пастушеско-охотничье-рыболовным хозяйством, а с мотыжно-земледельческо-пастушеским бытом. Вот почему найденные на Большом Чуйском канале бронзовые серпы следует считать земледельческими орудиями, а не орудиями для уборки сена при интенсивном скотоводстве, как это полагает автор (стр. 8). Наличие оседлости для Северной Киргизии на андроновской стадии зафиксировано лишь в одном случае³, но эти древние поселения еще никак там специально не отыскивались, так как основная деятельность археологов распространяется пока на памятники городского типа и на курганные могильники.

Культура саков, скифского племени Средней Азии, открывалась уже не раз, но такими открытиями вносилась только путаница в науку, как имело место, например, с «открытием» сакской культуры в Каунчи-тепе (близ Ташкента), которая в действительности относится ко времени не ранее кушанского периода⁴.

Ныне сакская культура открыта, и честь этого важнейшего в археологии Средней Азии открытия принадлежит А. Н. Бернштаму.

По данным автора, культура саков, датируемая VII—IV вв. до н. э., представлена погребениями в курганах, сопровождающимися глиняными полусферическими сосудами грубой ручной лепки (без шаблона), бронзовыми орудиями и предметами вооружения—ножами, стрелами, копьями (стр. 9—10). Саки, как и геродотовы массагеты, являлись носителями культуры бронзового века. Отмеченная нами длительность pereжитков бронзы (примерно до V—IV вв. до н. э.) в истории культуры восточной части Узбекистана⁵ нашла живое подтверждение в археологии саков. Облик материальной культуры саков и обитателей среднего течения Сыр-Дарьи VII—IV вв. до н. э. и «Культу-

¹ Б. Г р а к о в, Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана, Кзыл-Орда, 1930, стр. 10.

² А. Н. Б е р н ш т а м, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 20—21.

³ А. И. Т е р е н о ж к и н, Археологические разведки по р. Чу в 1929 г., «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1936, № 5—6, стр. 138.

⁴ Г. В. Г р и г о р ь е в, Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935; о н ж е, Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, о н ж е, Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940; наши рецензии на эти работы в «Известиях УзФАН», 1940, № 8 стр. 84—87; С. П. Т о л с т о в, К вопросу о датировке культуры Каунчи, ВДИ, 1946, №1, стр. 173.

⁵ А. И. Т е р е н о ж к и н, Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия УзФАН», 1940, № 9, стр. 31—32.

туры городищ с жилыми стенами» в Хорезме (VI—IV вв. до н. э.)¹ подводит нас к пониманию сущности еще не обнаруженной согдийской культуры ахеменидского времени².

Усуни, отождествляемые А. Н. Бернштамом с исседонами Птолемея³, в свете материалов с Большого Чуйского канала выступают в качестве прямых преемников культуры саков; сущность ее осталась та же, несмотря на рост уровня техники производства вообще и окончательный переход общества в усуньское время в Киргизии от бронзового века к железнному (стр. 11—12).

Эпоха городов в Северной Киргизии, вызванная к жизни, как это показывает А. Н. Бернштам, согдийской колонизацией в V в. н. э.⁴ и закончившаяся в начале XIII в. монгольским завоеванием, представлена наиболее богато в сборах на строительстве Большого Чуйского канала. Несмотря на сжатость обзора этих обширных материалов, автору удается наметить общие тенденции, учесть своеобразие каждого исторического этапа и последовательно рассмотреть их в строго хронологическом порядке. Автор рассматривает здесь следующие вопросы: согдийская колонизация, в результате которой происходит трансформация местной автохтонной культуры и сращивание согдийской культуры с культурой политически господствовавших в стране тюркских племен (12—16 стр.); византийский компонент в городской культуре V—VII вв., выявляющийся в находках электронных брактеатов—оттисков варварского подражания монетам Константина Погоната (641—668 гг.) и Ираклия (611—629 гг.), которые «документируют и обогащают отрывочные факты письменных источников о широких связях Семиречья с Византией, возникшие в эпоху расцвета западнотюркского каганата» (стр. 17—18); своеобразная и глубоко отличная от культуры оседлого населения кочевническая культура тюрков, связанная с Алтаем и Енисеем (стр. 18); обогащение культуры Северной Киргизии в связи с усилением влияния Китая в VII в., и, что замечательно, не ослабевавшего даже после известного критического события 751 г., когда китайские войска были разбиты арабами на р. Таласе (стр. 19—20)—волна китайского влияния проявляется в это время в сильном пропикновении буддизма; формирование культуры карлукского периода (766—902 гг.), для которой характерно появление целой сети укрепленных поселений, огромный рост ремесленного производства, появление выработанных в Мавераннахре форм сосудов (пиала, каса, блюдо); просачивание в орнаментальные мотивы арабских надписей; дальнейшее распространение буддизма (стр. 21—22); изменение лица Чуйской долины при Караханидах (XI—XII вв.) со сформировавшимися типично феодальными городами по среднеазиатскому образцу с шахристаном и рабадом и сельскими поселениями с феодальными замками; внедрившимся в быт исламом, приобщившим Северную Киргизию к культуре Мавераннахра (стр. 22—23) и, наконец, роль каракитаев, вопросы монголо-тимуридской культуры (стр. 25—27).

Калейдоскоп проблем, возникших на основании новых материалов,—это реальное отображение действительно калейдоскопически развивавшихся исторических процессов и процессов формирования и развития культуры в Чуйской долине, жемчужине Киргизии, в мире скрещения и симбиоза великих и малых цивилизаций всех четырех

¹ С. П. Толстов, Новые материалы по истории Хорезма, ВДИ, 1946, № 1, стр. 96.

² Г. В. Григорьев относит культуры ранних слоев городища Тали-Барзу (ТБ I и ТБ II), находящегося несколько южнее г. Самарканда, к доахеменидскому и раннеахеменидскому времени (городище Тали-Барзу, «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», II, Ленинград, 1940, стр. 88). Однако ТБ I и II были Г. В. Григорьевым отнесены слишком далеко в глубь времени. По материалам, добытым нами осенью 1945 г. на городище Афрасиаб (древний Самарканд), устанавливается, что ТБ I и ТБ II нельзя относить к более древнему периоду, чем первые века до н. э.

³ А. Н. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии стр. 32—33.

⁴ А. Н. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, «Краткие сообщения ИИМК», № 6, стр. 34 и сл.

стран света—Китай, Сибири, Индии,¹Согда-Мавераннахра, а через его посредство—Ирана и Византии. В раскрытии этих процессов и явлений автор, умело пользуясь методами исторического и археологического анализа, стоит на верном пути. Нужно пожелать, чтобы археологические материалы с Большого Чуйского канала были в скорейшем времени опубликованы в полном объеме.

Отдельная глава в рецензируемой работе (стр. 29—40) посвящена автором предварительному очерку его рекогносцировки по Южной Киргизии, проведенной весной того же 1941 г. с целью сбора материалов для составления перспективного плана исследований Ошской и Джалал-Абадской областей Киргизской ССР. В главе дан обзор археологических памятников Южной Киргизии с III в. до XII в. н. э. и поставлен вопрос о их месте в истории культуры народов Средней Азии.

Заканчивая рассмотрение очерка А. Н. Бернштама, мы должны отметить в нем один досадный недостаток. Он оснащен большим количеством иллюстраций (218 рисунков в 10 таблицах), но, к сожалению, многие из них так мелки и выполнены так грубо, что не передают действительных форм и типов древних предметов материальной культуры, чем наносится серьезный ущерб всей работе.

А. Тереножкин

ANDRE PIGANOL, Histoire de Rome, Paris, 1946, LI + 586 стр.

Андре Пиганиоль, автор «Римской истории», является известным французским ученым. Его перу принадлежит ряд очерков по историографии античности и специальных исследований по Римской истории. Им написана монография, посвященная Константину («L'empereur Constantin, Paris, 1932»), специальный труд, посвященный возникновению Рима (Origines de Rome) и ряд других работ. Для серии «Народы и цивилизации» Пиганиоль написал заслуживающий внимания том, посвященный Римской республике (La conquête Romaine). «История Рима» (Histoire de Rome) Пиганиоля, вышедшая в 1939 г. в серии «Klio», Introduction aux études historiques, недавно (1946) переизданная, является как бы завершением его прежних работ по изложению римской истории. Этот последний труд, предлагаемый вниманию читателя, мы не можем отделить от предшествующих работ этого автора. Для понимания отношения автора к римской истории необходимо кратко охарактеризовать установки Пиганиоля как по общим, так и по частным вопросам истории Рима. В этом отношении характерной является монография Пиганиоля о Константине. Живое и яркое изложение истории Константина, его политики и, главным образом, изложение его религиозных реформ дает на фоне политических событий поздней империи картину выдающегося исторического деятеля.

В литературе по данному вопросу монография Пиганиоля имеет, несомненно, немалое значение. Однако следует признать, что к исследованию политической и религиозной деятельности Константина автор подходит скорее как католик, но отнюдь не как историк, дающий объективную оценку событиям. И это прежде всего выдает сентиментально-романтическая оценка автором всей деятельности Константина. В конце своей монографии Пиганиоль характеризует Константина, как «человека, который в век, когда разум человеческий заколебался, опускал жизнь».

В труде по Римской республике («La conquête Romaine») Пиганиоль не стремился предложить какую-нибудь оригинальную композицию или новые идеи, под углом зрения которых Римская республика выступала бы в новом свете. Нет. У Пиганиоля весьма скромная задача: дать все, ничего не упустить и поменьше «точек зрения»! Компилятивная сторона выступает на первое место, отодвигая всякий момент исследований, теоретического обобщения и продвижения вперед той или иной научной проблемы. Такой